Brat na brata

Moskva

1898

Reel: 57 Title: 3

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00057.03

Control Number: AEP-0045
OCLC Number : 30958871
Call Number : W 381.5917S Sb53 no. 2
Title : Brat na brata.
Imprint : Moskva : Tip. Vil'de, 1898.
Format : 36 p. ; 17 cm.
Note : Illustrated cover.
Note : "No. 19."
Contents : Nishchii -- Razgrom -- Mat' -- Peregovory -- Poiski -- Pristup -- Podvig -- Soviest' -- Sud -- Osuzhdennyi.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 11/1/94
Camera Operator: RT

БРАТЪ НА БРАТА.

БРАТЪ НА БРАТА.

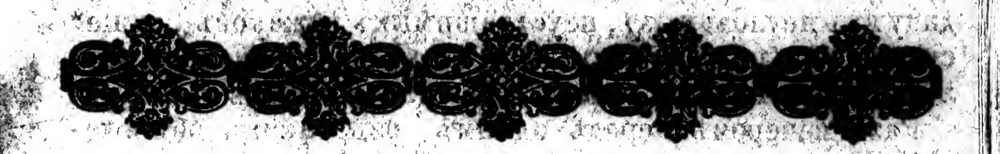
БРАТЪ НА БРАТА.

Содержаніе.

№ 19.

МОСКВА.
Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 мая 1898 года.

БРАТЪ НА БРАТА.

Глава I.

Нищій.

Во Франціи шла междоусобная война. Вандейцы не хотѣли перемѣнъ, и парижане называли ихъ мятежниками, посылали противъ нихъ полки. Полкамъ этимъ пришлось встрѣтить сопротивленіе необыкновенно сильное. Правильнаго войска вандейцы, конечно, не могли выставить, не имѣли для того средствъ; поэтому ограничивались небольшими отрядами, дѣйствовавшими вразсыпную. Сегодня разбитые въ одномъ мѣстѣ, они на завтра собиралась подобной же кучкой въ другомъ, готовые лучше умереть, чѣмъ уступить, такъ какъ дѣло свое считали правымъ. Борьба разгорѣлась, сдѣлалась ожесточенной. Парижане хотѣли поскорѣй запугать и такимъ образомъ покончить, но вмѣсто того, чѣмъ больше жестокостей было съ ихъ стороны, тѣмъ ужаснѣе мстили за каждую жестокость вандейцы. Когда-то тихая, мирная страна превращалась въ поле крови. И долго это шло. Тысячамъ „синихъ“ (такъ звали въ народѣ парижанъ) не удавалось одолѣть своихъ враговъ—

„бѣлыхъ“, хотя „бѣлыхъ“ были только десятки. За выдачу ихъ неуловимыхъ, неустрашимыхъ вожаковъ „синіе“ сулили большія награды. Объ этомъ расклеивались объявленія по стѣнамъ домовъ и на придорожныхъ столбахъ.

Разъ вечеромъ передъ однимъ изъ такихъ объявленій остановился одинокій прохожій, высокій, статный старикъ въ крестьянскомъ платьѣ. Было уже темно; онъ прочелъ объявленіе съ трудомъ. Тутъ говорилось, что шестьдесятъ тысячъ золотомъ будетъ награда тому, кто поймаетъ и доставитъ въ лагерь „синихъ“ предводителя мѣстныхъ мятежниковъ, маркиза Лантенака. Обѣщаніе было скрѣплено чьей-то подписью, но прохожій не разобралъ ея и пошелъ дальше по косогору. Показалась луна. Прохожій, дойдя до перекрестка, пріостановился, соображая. Онъ, повидимому, не зналъ, въ которую сторону повернуть.

— Тебѣ куда? - спросилъ чей-то голосъ.

Прохожій обернулся.

Изъ придорожныхъ кустовъ вышелъ, опираясь на палку, человѣкъ старый, сѣдой, въ лохмотьяхъ, высокій и сгорбленный, остановился и повторилъ:

— Тебѣ куда?

— А тебѣ что за дѣло?—отвѣтилъ прохожій.

— Лучше скажи.

— Да ты кто такой?

— Я нищій, а ты маркизъ Лантенакъ.

Прохожій сказалъ насмѣшливо:

— Ты меня выслѣдилъ, чтобъ выдать... Твое счастье...

Вмѣсто отвѣта старикъ въ лохмотьяхъ спросилъ:

— Ты шелъ вонъ въ ту деревню?

— Да

— Тамъ „синіе“.

— Давно ли?

— Ужъ третій день. Завтра, говорятъ, уйдутъ.

— Много ихъ?

— Тутъ полбаталіона, а полкъ дальше стоитъ.

— Полкъ подъ чьимъ начальствомъ?
— Симурдэнъ—начальникъ.
— А что жъ, народъ тамъ принялъ ихъ?
— Какъ же не принять?
— Нисколько не поборолись?
— Никто не боролся.
— Хороши... — сказалъ маркизъ. Помолчавъ, онъ прибавилъ:—Въ деревнѣ били въ набатъ?
— Били.
— Это зачѣмъ же?
— Чтобъ тебя ловили. Ты объявленіе видѣлъ?
— Видѣлъ.
— Такъ вотъ. Тебя то и ищутъ. Пойдемъ, я тебя спрячу.
— Куда это?
— Къ себѣ спрячу. У меня землянка. Все равно какъ погребъ.

Маркизъ спросилъ:
— Ты, значитъ, за насъ? за „бѣлыхъ"?
— Я ни за кого, я нищій..
— Однако, ты видишь, что воюютъ. На чьей же ты сторонѣ?
— Я этими дѣлами не занимаюсь.
— А сейчасъ предлагалъ меня спрятать?
— Такъ что жъ? Если человѣка ловятъ, надо его спасти. Говорятъ, ты по закону долженъ умереть. Я законовъ не знаю. Мнѣ вотъ приходилось умирать съ голоду: развѣ тоже есть такой законъ?
— А ты давно въ нищетѣ?
— Всю жизнь.
— За меня хорошія деньги обѣщаны, если меня выдать.
— Знаю.
— Шестьдесятъ тысячъ золотомъ.
— Да, золотомъ. Это больше, чѣмъ бумажками!

— Цѣлое состояніе.

— Еще бы. Я это и подумалъ: выслѣдить тебя кто-нибудь, разбогатѣть захочетъ. Лучше у меня спрячься. А завтра „синіе“ со своими развѣдчиками уйдутъ—ну, и ты уйдешь.

Маркизъ пошелъ, куда его повелъ нищій.

Они спустились въ оврагъ. Между корнями стараго дерева была нора; эта нора служила жильемъ человѣку. Было темно и низко, но мѣста на двоихъ хватало. Въ углу стояла кружка съ водой, лежала кучка печеныхъ каштановъ и черная лепешка.

— Давай поужинаемъ,—предложилъ хозяинъ.

Они раздѣлили каштаны; маркизъ разломилъ пополамъ свой бѣлый сухарь, а нищій свою лепешку, и запивали водой изъ общей кружки.

Завязался разговоръ.

— Ты, значитъ, не знаешь, кому желать удачи?—говорилъ маркизъ.

— Что однимъ удача, то другимъ горе,—отвѣчалъ нищій.—Мое дѣло сторона.

— Тебя какъ зовутъ?

— Меня прозвали „Старый“. Ужъ сорокъ лѣтъ кличутъ такъ.

— Но вѣдь сорокъ лѣтъ назадъ ты былъ молодъ!

— Не помню, когда я былъ молодъ. Гляди: мы съ тобой однихъ лѣтъ, ты молодецъ, здоровый, а я насилу хожу!

— Ты здѣшній?

— Здѣшній.

— Какъ ты меня знаешь?

— Да какъ не знать! Твои помѣстья здѣсь Два года тому назадъ ты уѣзжалъ въ Англію. Я тебя еще раньше много разъ видалъ...

— А я тебя совсѣмъ не помню.

— Я нищій. Гдѣ же нищихъ помнить!

— Встрѣчалъ я тебя вблизи?

— Сколько разъ! Подавалъ милостыню. Кто подаетъ, тотъ не смотритъ; кто принимаетъ, тому все въ примѣту. Иногда по суткамъ не ѣшь. Рука бросить тебѣ копейку: эта копейка — хлѣбъ. Какъ же не примѣчать?.. А вотъ теперь мой чередъ: я подаю тебѣ помощь.

— Ты меня спасаешь. Это больше.

— Спасаю. Только съ условіемъ.

— Съ какимъ?

— Чтобъ ты никакихъ злыхъ замысловъ здѣсь не имѣлъ.

— У меня, напротивъ, замыслы добрые. Я за правду стою.

— Ну, и слава Богу. Давай теперь спать.

Они растянулись рядомъ на сѣнѣ и оба заснули.

Утромъ, когда маркизъ проснулся, нищій былъ уже на ногахъ, не въ норѣ, а снаружи, у входа. Онъ стоялъ, опершись на свою палку. Солнце освѣщало его.

— Четыре часа,—сказалъ онъ маркизу.—На колокольнѣ ближней церкви пробило; по вѣтру слышно. Въ деревнѣ тихо: „синіе“ спятъ или ушли. Мы съ тобой теперь разстанемся. Я пойду по своимъ дѣламъ, ты по своимъ. Прощай!—Потомъ прибавилъ:—Можешь взять съ собой каштановъ, когда пойдешь.

Кивнулъ и ушелъ.

Маркизъ поднялся, поглядѣлъ во всѣ стороны. У перекрестка, гдѣ онъ вчера встрѣтилъ нищаго, стоялъ старый каменный крестъ; на немъ бѣлѣлось наклеенное объявленіе. Маркизъ замѣтилъ его еще съ вечера и зналъ, что оно такое же, какъ то, которое онъ раньше прочелъ. Ему вспомнилось, что въ темнотѣ онъ не все разобралъ; теперь же солнце ярко свѣтило, утро было прекрасное; щеглята пѣли; воробьи чирикали. Маркизъ пошелъ къ кресту, чтобъ дочитать.

Пониже обѣщанія награды за поимку было мелко написано:

„Когда маркиза Лантенака поймаютъ, онъ немедленно будетъ разстрѣлянъ“. Подписалъ: „Командующій баталіономъ Говэнъ“.

— Говэнъ!..—повторилъ маркизъ про себя.

Постоялъ, прочелъ еще разъ, съ горечью повторилъ имя, потомъ поглядѣлъ вдаль и пошелъ.

Говэнъ былъ его племянникъ, сынъ его родной сестры, и въ то же время его врагъ, потому что стоялъ на другой сторонѣ, и былъ воспитанникомъ полковника Симурдэна. Полковникъ Симурдэнъ, человѣкъ сильнаго ума и сильной воли, цѣнилъ Говэна какъ лучшаго изъ товарищей и подчиненныхъ. Мало того: не имѣя семьи, Симурдэнъ любилъ Говэна, какъ бы отецъ любилъ сына. У нихъ были одни взгляды, одни желанія. Чужіе по крови, они были близкими по духу. Симурдэнъ воспиталъ Говэна. Говэнъ считалъ Симурдэна лучшимъ изъ людей. Они оба горячо любили родную страну, оба готовы были жертвовать собой для нея, оба считали Лантенака и его сообщниковъ ея врагами.

Глава II.

Разгромъ.

Нищій ушелъ далеко. Ходилъ онъ тихо, вернулся поздно, къ вечеру. Возвращаясь, увидалъ надъ деревней большой дымъ. Дымъ бываетъ различный, смотря по густотѣ и цвѣту. Бываетъ онъ мирный, это дымъ топящейся печи, когда семья готовитъ себѣ обѣдъ или ужинъ, и бываетъ онъ грозный, зловѣщій, это—дымъ пожара. Нищій сразу различилъ, что передъ нимъ дымъ грозный: черные клубы, окрашенные вспыхивающимъ красным огнемъ и разливающіе по небу зарево.

Онъ прибавилъ шагу и пошелъ туда. Ему хотѣлось узнать, что случилось.

Съ ближняго пригорка все было видно какъ на ладони: вмѣсто деревни оставалась куча дымящихся обломковъ.

Нищій точно остолбенѣлъ. Передъ нимъ обширный костеръ трещалъ и вспыхивалъ, какъ будто совершенно предоставленный самъ себѣ. Ни одной человѣческой тѣни не видно было; голосовъ не было слышно. Въ каштановомъ лѣсу, смежномъ съ деревней, пожаръ захватилъ нѣсколько деревьевъ, и они пылали какъ огромныя свѣчи.

Куда же, однако, дѣвались жители? Хоть ихъ немного, такъ какъ и деревня была небольшая, но все-таки гдѣ они? Для Стараго это представлялось главной загадкой. Онъ спѣшилъ разгадать, и сердце у него сжималось.

Подходя, онъ наткнулся на страшную черную кучу, слабо освѣщенную съ одной стороны луной, съ другой — свѣтомъ пожара. Это были мертвыя тѣла. Нѣсколько мертвыхъ тѣлъ. Старый наклонился, чтобы разсмотрѣть. Убитые солдаты. Изъ тѣхъ самыхъ „синихъ", которыхъ наканунѣ онъ видѣлъ живыми. И еще тѣло! и еще! Ни одного раненаго, всѣ мертвые. Должно быть, побѣдители нарочно добили каждаго до смерти.

Двѣ женщины лежали тутъ же, одна возлѣ другой, у стѣны. У одной голова была пробита четырьмя пулями. Другая лежала блѣдная, вытянутая, съ закрытыми глазами, какъ будто безъ памяти. Нищій ощупалъ у нея круглую рану на плечѣ и сломанную кость; но тѣло было теплое. Онъ приложилъ руку къ ея сердцу: сердце слабо билось.

— Нѣтъ здѣсь никого живого? — крикнулъ онъ во весь голосъ.

Чей-то шопотъ откликнулся: — Это ты, Старый? — Изъ-за одной развалины высунулась голова, изъ-за другой другая. Двумъ крестьянамъ удалось уцѣлѣть отъ рѣзни.

Они рѣшились показаться на знакомый голосъ нищаго. Подошли. Старый указалъ имъ пальцемъ на лежавшую у его ногъ женщину.

— Жива?—спросилъ одинъ изъ крестьянъ.

Старый кивнулъ.

— А та?—крестьянинъ указалъ на другую.

Старый сдѣлалъ головой знакъ, что нѣтъ. Крестьянинъ сталъ разсказывать, все еще шопотомъ, боясь возвысить голосъ:

— Вотъ какъ свирѣпствуютъ-то!.. Я въ погребѣ схоронился .. Домъ у меня сожгли.. Какъ я Бога благодарилъ, что семейства не имѣю! Господи милостивый! Сколько народу погубили. Всѣхъ, кого могли! У Микелы, вотъ у этой, которая ранена, трое дѣтей было. Трое маленькихъ. Дѣти кричали, мать звали; мать кричала, дѣтей звала. Мать пристрѣлили, дѣтей съ собой взяли. Господи Боже! какими звѣрями люди дѣлаются! Напали. Никто не ждалъ... А мать-то жива, значитъ? Надо бы съ ней повидаться. Мы ужъ ее къ тебѣ стащимъ, Старый.—Нищій опять кивнулъ. Слова не шли у него изъ горла. Наломали толстыхъ вѣтвей, сдѣлали носилки, положили на нихъ раненую и понесли.

Дорогой между крестьянами шла рѣчь о томъ же.

— Всѣхъ перерѣзали! Все сожгли!

— Вотъ какіе пошли порядки!

— Ты видѣлъ, какъ разстрѣливали?

— Это самъ высокій велѣлъ.

— Цѣлый отрядъ „бѣлыхъ" напалъ. А высокій—это ихъ начальникъ, маркизъ.

— Какой маркизъ?

— Здѣшній маркизъ, Лантенакъ. Онъ, говорятъ, только-что изъ Англіи вернулся. Извѣстіе получилось, что на кораблѣ пріѣхалъ. Хотѣли его выслѣдить, а онъ, должно быть, какъ-нибудь переодѣтымъ пробрался до своихъ. Свои его ждали. Онъ ихъ сейчасъ на „синихъ" и привелъ! И деревню приказалъ выжечь за то, что

„синихъ“ пустили. А какъ же крестьянину войска не пустить?

Нищій сказалъ про себя: „Такъ вотъ какую штуку Лантенакъ устроилъ! Если бъ раньше знать!“

Глава III.

Мать.

Раны Микелы оказались серьезными: пулей была задѣта верхняя часть легкаго. Старый слылъ между крестьянами за знахаря, онъ лѣчилъ; нѣкоторые говорили, заколдовывалъ.

Раненая лежала у него въ норѣ. Онъ прикладывалъ къ ранамъ какія-то травы; она постепенно поправлялась.

Разъ она съ помощію Стараго могла выйти посидѣть подъ деревомъ; солнце грѣло ее, она упорно глядѣла вдаль.

Стараго радовало, что ему удалось поставить ее на ноги; улыбаясь, онъ сказалъ:

— Ну, вотъ наши раны и зажили.

Она отвѣчала:

— Главная не зажила.

Говорить ей было еще трудно. Помолчавъ, она прибавила:

— Ты не знаешь, гдѣ они?

— Кто?—спросилъ Старый.

— Дѣти мои.

И раньше въ бреду она все звала ихъ. Старый старался отвлечь отъ нихъ ея мысли, чтобы меньше волновалась. Придумать, чѣмъ бы обнадежить ее, онъ не могъ. Насчетъ дѣтей самъ не зналъ ничего и полагалъ, что ихъ нѣтъ въ живыхъ.

Видя, что ей не отвѣчаютъ, женщина повторяла почти съ крикомъ, сурово:

— Гдѣ мои дѣти?

Старый опустилъ голову, какъ виноватый. У него мелькнула мысль, что не спаси онъ тогда Лантенака, эта женщина не была бы теперь такъ несчастна.

— Вотъ вѣдь,—думалось ему:—хотѣлъ сдѣлать добро, а выходитъ зло. Я человѣка пожалѣлъ, а онъ не жалѣетъ.

Душа нищаго была полна горечи. Доброе дѣло тяготило его какъ преступленіе. Спасъ волка на бѣду овецъ.

— Нельзя же это такъ оставить!—проговорила мать.

— Что оставить?

— Не знать про дѣтей. Мнѣ лучше умереть, чѣмъ про нихъ не знать.

Онъ сказалъ:

— Не тревожь себя. Лихорадки прибавишь.

Микела жестко спросила:

— А когда мнѣ можно уйти?

— Уйти?

— Конечно, уйти. Не все же мнѣ здѣсь сидѣть.

— Будешь себя тревожить, такъ надолго засядешь. Спокойна будешь, такъ уйдешь скоро.

— Какъ же мнѣ быть спокойной? Тебѣ это непонятно. У тебя нѣтъ дѣтей, у меня есть. Только гдѣ они? Кто не испыталъ, тотъ не можетъ судить. У тебя никогда дѣтей не было?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ нищій.

— Ну, вотъ въ томъ и разница. У меня дѣти. Отчего они теперь не со мной? Я не знаю, что такое случилось. Я ничего не поняла. Мужа убили, въ меня стрѣляли. И дѣтей со мной нѣтъ. Это что жъ такое?

— Перестань разговаривать,—сказалъ Старый.—Разстроишь себя, хуже будетъ.

Она замолчала. Замолчала такъ, что и слова отъ нея нельзя было добиться. По цѣлымъ днямъ стала сидѣть,

не шевелясь, подъ деревомъ. Должно быть, все думала о дѣтяхъ. Старый началъ бояться, чтобъ не помѣшалась. Пробовалъ развлечь ее, говорилъ, что пошелъ бы вмѣстѣ съ нею, да ужъ старъ: ноги не носятъ далеко.

Разъ онъ ей принесъ нитокъ, иголку, наперстокъ: хотѣлъ, чтобы развлекалась шитьемъ. Микела стала шить; стала чинить себѣ платье. Это-то ему и нужно было, чтобъ она не все объ одномъ и томъ же думала.

За шитьемъ она стала иногда напѣвать что-то печальное. Называла шопотомъ имена, вѣроятно, дѣтей—трудно было разслушать. Смотрѣла, какая погода. Наконецъ, занялась тѣмъ, что сшила себѣ мѣшокъ и набрала въ него каштановъ. Какъ-то утромъ Старый увидѣлъ, что она собирается.

— Куда?—спросилъ онъ.

Микела отвѣчала:

— Искать ихъ пойду.

Старый не сталъ удерживать. Она пошла, куда глаза глядятъ. Шла не разбирая дня и ночи; питалась чѣмъ попало, просила милостыню, ѣла траву, спала на голой землѣ, въ кустахъ, въ открытомъ полѣ, иногда подъ дождемъ. Шла отъ деревни къ деревнѣ, отъ дома къ дому. Вездѣ спрашивала. Останавливалась у пороговъ. Платье висѣло на ней клочьями. Иногда ее принимали, иногда гнали прочь. Когда отъ домовъ гнали, она шла лѣсомъ.

Дорога была ей незнакома, она до тѣхъ поръ знала только свой приходъ; шагая безъ всякаго расчета, неизвѣстно куда, она дѣлала концы не нужные: ей случалось кружиться почти на одномъ мѣстѣ, не замѣчая того. То шла большой дорогой, то тропинками. Сначала въ рваныхъ башмакахъ, потомъ, когда башмаки развалились,—босикомъ, наконецъ, съ окровавленными ногами.

Говорили, что невдалекѣ кипѣла война, но ей до-

войны не было дѣла; она какъ будто ничего не видала, ничего не слыхала, ничего не боялась: только искала своихъ дѣтей. Спрашивала у каждаго встрѣчнаго:

— Вы не видали троихъ маленькихъ?

На нее глядѣли съ изумленіемъ.

— Двухъ мальчиковъ и дѣвочку не видали ли?—поясняла она.

Потомъ еще прибавляла:

— Старшему четыре съ половиной, младшей — годъ восемь мѣсяцевъ. Не видали?

На нее все-таки глядѣли, не отвѣчая. Она продолжала:

— У меня ихъ взяли. А они мои. Вотъ почему я ищу.

Люди качали головой и проходили своею дорогой.

Разъ, впрочемъ, одинъ крестьянинъ съ ней остановился. Сталъ припоминать.

— Трое дѣтей-то?—переспросилъ онъ.

— Трое.

— Два мальчика?

— Да, еще дѣвочка.

— Слышалъ я, что есть при одномъ отрядѣ трое дѣтей. Начальникъ гдѣ-то велѣлъ ихъ съ собой захватить. Должно быть, при немъ они.

— Это гдѣ же?—крикнула мать.

Крестьянинъ сказалъ:

— Ступай въ Тургъ.

— Тамъ моихъ дѣтей найду?

— Можетъ-быть, найдешь.

— Какъ ты назвалъ?

— Тургъ.

— Что это—Тургъ.

— Мѣсто такое.

— Деревня?

— Не знаю, не бывалъ; называютъ Тургъ.

— Далеко?

— Не близко, должно быть.

— Въ которой сторонѣ?

Онъ указалъ рукой.

— Да вотъ туда держи, гдѣ солнце садится.

Женщина сейчасъ же пошла. Крестьянинъ прокричалъ ей вслѣдъ:

— Только ты берегись: тамъ дерутся!

Не обертываясь, она шла дальше.

Глава IV.

Переговоры.

Тургъ—это была крѣпость. Она имѣла видъ круглой башни и стояла на каменной скалѣ, тоже твердая какъ скала. Отрядъ Лантенака засѣлъ въ ней. Отрядъ Говэна осаждалъ ее... У Лантенака людей оставалось немного, потому что послѣ разгрома деревни ему пришлось выдержать еще нѣсколько битвъ; Говэнъ былъ несравненно сильнѣе, тѣмъ болѣе, что тутъ же за нимъ стоялъ весь полкъ Симурдэна.

Разъ вечеромъ, когда только-что стали показываться звѣзды, и въ лѣсу наступило полное затишье — ни одинъ листъ ни одна травка не шевелилась—съ башни раздался протяжный звукъ военной трубы. Внизу, въ отвѣтъ трубачу, проигралъ горнистъ.

Точно въ муравейникѣ муравьи, въ лагерѣ закопошились люди.

Среди сгущавшейся темноты, огни костровъ зажигались въ одно время со звѣздами на небѣ. Труба протрубила во второй разъ; отвѣтилъ ей горнистъ.

Это—крѣпость и лагерь между собой переговаривались.

Крѣпость спрашивала:

— Согласны ли вы насъ выслушать?

Лагерь отвѣчалъ:

— Согласны.

На нѣсколько минутъ установилось перемиріе.

Громко и внятно трубачъ съ башни началъ свою рѣчь:

— Слушайте! Я говорю отъ имени маркиза Лантенака, повторяю его слова! Ваша война съ нами неправая. Мы здѣсь жили мирно и никому зла не дѣлали. Вы тамъ завели себѣ новые порядки и пришли на насъ, чтобы силой насъ заставить жить по-вашему. Вы стали жечь наши дома, губить нашихъ женъ и дѣтей. Вы сдѣлали на насъ облавы въ лѣсахъ, а теперь обступили насъ здѣсь. Васъ много, насъ мало. Васъ цѣлый полкъ, насъ же всего девятнадцать человѣкъ здѣсь. Немудрено вамъ насъ одолѣть, но только мы даромъ не дадимся. Маркизъ Лантенакъ велитъ сказать вамъ: при насъ здѣсь трое дѣтей, наши ихъ захватили въ той деревнѣ, гдѣ мы разбили вашъ баталіонъ. Хотите ли вы дать всѣмъ намъ, девятнадцати, свободный проходъ? Въ такомъ случаѣ отдадимъ вамъ дѣтей, какъ выкупъ за себя. Если же откажете, мы крѣпость взорвемъ. Дѣти погибнутъ съ нами. На вашихъ душахъ будетъ грѣхъ ихъ погибели. Такъ и знайте. Если пропустите насъ, они спасены, а если намъ смерть, имъ тоже смерть. Рѣшайте!

Голосъ на башнѣ умолкъ.

Голосъ снизу крикнулъ:

— Всѣ будутъ пропущены безъ препятствій, кромѣ Лантенака. Ему смерть.

Съ башни отвѣчали:

— Условій не мѣняемъ. Трое дѣтей нашъ выкупъ за всѣхъ до одного!

Симурдэнъ крикнулъ самъ, коротко и сурово:

— Мы не согласны!

Говэнъ прибавилъ мягче:

— Даемъ двадцать-четыре часа сроку. Обдумайте.

Глава V.

Поиски.

Женщина, вылѣченная нищимъ, шла все впередъ, куда ей указали. Разъ она проходила черезъ село, мимо толпы, собравшейся передъ какой-то бумагой на стѣнѣ. Одинъ человѣкъ читалъ, другіе слушали:

„... Смертная казнь всякому, кто осмѣлится доставить съѣстные припасы или иную помощь вышеназваннымъ девятнадцати мятежникамъ, укрывшимся въ Тургѣ...“

— Въ Тургѣ?—переспросила Микела.

Она разслышала это имя, а до всѣхъ другихъ словъ ей не было дѣла. На нее поглядѣли подозрительно.

— Въ Тургѣ?—повторила она.

Какая-то женщина съ корзиной ржаныхъ лепешекъ подошла и шепнула:

— Замолчи!

Микела замолчала, не понимая, почему такъ нужно. „Назвали Тургъ; развѣ нельзя спросить?“ Она перешла на другое мѣсто и опять остановилась послушать.

Толковали о той же бумагѣ.

Одинъ говорилъ:

— Думаютъ, что этихъ возьмутъ, и все кончено. Будто девятнадцать человѣкъ всѣ!

Другой прибавилъ:

— Обсчитаются! Этихъ возьмутъ, другіе найдутся.

— Глупый вы народъ!—сказалъ одинъ сѣдой крестьянинъ. — Скоро ли другой Лантенакъ найдется? Имъ главное Лантенака взять. А онъ теперь у нихъ въ рукахъ.

— Ну, еще не совсѣмъ! — проговорилъ сквозь зубы другой крестьянинъ, молодой.

Старикъ продолжалъ:

Лантенакъ — душа всего. Безъ него прочіе не въ счетъ.

Кто-то спросилъ:

— А чѣмъ Лантенакъ отличается?

Ему отвѣчали:

— Онъ спуску не даетъ. Его берегись! даже женщинъ разстрѣливаетъ!

Микела сказала:

— Это правда.

Обернулись на ея слова.

Она прибавила:

— Онъ меня велѣлъ разстрѣлять.

Видъ у нея былъ страшный: лохмотья на плечахъ, растрепанные волосы, дикій взглядъ.

— Сущая разбойница—пробормоталъ одинъ крестьянинъ.

— Не подслушивать ли пришла? — предположилъ другой.

— Молчи ты и уходи! - шепнула ей опять торговка лепешками, подходя.

Микела отвѣчала:

— Я худого не дѣлаю; я моихъ дѣтей ищу.

Торговка обвела всѣхъ глазами, ткнула себѣ пальцемъ въ лобъ и проговорила:

— Тутъ не ладно.

Потомъ подала ей лепешку:

— Съѣшь.

Микела взяла, не поблагодаривъ, и стала съ жадностью кусать.

— Не въ своемъ умѣ,—рѣшили крестьяне: — точно звѣрь реветъ.

Одинъ за другимъ они разошлись; только торговка осталась. Доѣвши, Микела спросила у нея:

— Ты можешь сказать, гдѣ Тургъ?

— Брось ты это, несчастная. Полно молоть.

— Мнѣ въ Тургъ надобно. Какъ туда пройти, спрашиваю?

— Да что ты въ самомъ дѣлѣ на Тургѣ помѣшалась? Незачѣмъ тебѣ туда... Лучше заверни ко мнѣ да отдохни. Устала, чай?

— Мнѣ некогда отдыхать,—сказала мать.

— Погляди, что съ ногами-то у тебя,—указала торговка.

Микела стала разсказывать:

— У меня дѣтей украли: дѣвочку и двухъ мальчиковъ. Я изъ лѣсу иду теперь, меня Старый лѣчилъ, нищій. Можно у него спросить. У меня какую-то кость прострѣлили. Это все въ самомъ дѣлѣ было. Я не выдумываю. Трое дѣтей у меня. Я доказать могу. Младшая дѣвочка — Жоржетта. Мужа моего убили. Онъ ничего худого не сдѣлалъ. Покажите мнѣ дорогу. Я не сумасшедшая; я мать, я дѣтей ищу. Вотъ и все. Иду въ Тургъ. Дороги не знаю; ночевала сегодня въ пустомъ амбарѣ. Я не воровка. Я все правду говорю. И отчего же мнѣ не помочь, когда я дѣтей ищу? Я не здѣшняя. А стрѣляли въ меня, не знаю за что...

Торговка покачала головой и сказала:

— Слушай, милая. Времена теперь неспокойныя. Не надо такой вздоръ про себя разсказывать. Подумаютъ, что притворяешься, высматриваешь. Схватятъ.

— Мнѣ только про Тургъ скажите. Какъ туда пройти? Ради Христа спрашиваю.

Баба съ лепешками разсердилась.

— Ну, тебя, не втолкуешь! Не знаю я, гдѣ Тургъ. И знаю, да не скажу.

— Я все-таки пойду туда,—сказала Микела и пошла.

Баба поглядѣла вслѣдъ и пробормотала:

— Дать ей на дорогу-то.

Догнала и дала вторую лепешку.

— Поужинаешь ужо.

Микела молча взяла; но пройдя немного, у конца деревни, отдала лепешку двумъ встрѣчнымъ дѣвочкамъ.

Впереди былъ лѣсъ. Она пошла лѣсомъ. Не все ли равно, гдѣ итти, когда никто не хочетъ научить. Шла долго. Сначала тропинкой, потомъ тропинку потеряла; вѣтви, путаясь, сплетаясь, задерживали ее, но все-таки она подвигалась. Куда? Если бъ туда, куда надо. Попробовала кликнуть, никто не отозвался. Увидѣла ручей, встала на колѣни и напилась. Потомъ заодно, стоя на колѣняхъ, помолилась.

Лѣсъ скоро кончился. За нимъ былъ очень узкій долокъ, а дальше склонъ плоскаго широкаго пригорка, поросшаго мелкимъ кустарникомъ. Взглядъ свободно охватывалъ огромное пространство; и на всемъ этомъ пространствѣ не виднѣлось ни человѣка ни жилья.

Отъ такой пустоты бѣдная мать пришла въ отчаяніе. Ноги ея подкосились. Она крикнула какъ безумная, обращаясь неизвѣстно къ кому и куда:

— Никого нѣтъ?

И точно въ отвѣтъ ей гдѣ-то недалеко впереди прокатился звукъ, какъ будто громъ. То былъ не громъ, а выстрѣлъ.

Несчастная мать встрепенулась, ожила. „Можетъ-быть, тамъ?

Она стала взбираться на пригорокъ. Чрезъ нѣсколько времени она увидала передъ собою на голой скалѣ башню, а сейчасъ же за башней густую темную зелень большого лѣса.

Микела пошла къ башнѣ. Вечеръ быстро надвигался. Это было ровно сутки спустя послѣ переговоровъ Лантенака съ его врагами.

Глава IV.

Приступъ.

Въ условленный часъ Говэнъ двинулъ своихъ солдатъ, чтобы приступомъ взять Тургъ. Нижняя часть стѣны уже сильно пострадала отъ выстрѣловъ, но кучка людей засѣла во второмъ этажѣ и оттуда отчаянно отстрѣливалась. Солдатъ за солдатомъ падали. Тогда унтеръ-офицеръ Радубъ выдумалъ сдѣлать очень трудное: съ двумя пистолетами за поясомъ; онъ взлѣзъ по наружной стѣнѣ до третьяго этажа. Нужна была цѣпкость кошки; Радубъ этимъ отличался. Онъ попалъ какъ разъ въ ту комнату, гдѣ былъ складъ запаснаго оружія. Бѣловатый свѣтъ лунной ночи помогъ ему разсмотрѣть оружіе и пистолеты.

До тѣхъ поръ на осажденныхъ нападали только снизу; тутъ же на нихъ посыпались выстрѣлы сверху, по лѣстницѣ, съ площадки третьяго этажа. Двое сразу упали, убитые; остальные поспѣшили скрыться въ ближайшую комнату. Никому въ голову не пришло, что тамъ, наверху, только одинъ человѣкъ.

— Теперь намъ остается умирать,—сказалъ маркизъ.

— Убивая, пока можемъ!—прибавилъ одинъ изъ его товарищей.

Въ эту минуту случилась новая неожиданность. Въ углу комнаты приподнялась каменная плита, и оттуда,

изъ потайной двери, никѣмъ раньше не замѣченной, высунулась голова человѣка. Это былъ одинъ изъ преданныхъ маркизу.

— Какимъ образомъ ты сюда пробрался? – спросилъ маркизъ.

— Некогда объяснять. Спасайтесь! Черезъ десять минутъ вы этимъ ходомъ будете въ лѣсу.

— Отлично! Уходите всѣ... Я послѣдній... – сказалъ Лантенакъ.

— Надо прежде поджечь, сдержать свое слово, чтобы помнили насъ! —замѣтилъ одинъ.

— Скорѣе, маркизъ,—торопили другіе.

Человѣкъ за человѣкомъ стали уходить по узкой витой лѣстницѣ. Лантенакъ написалъ углемъ крупно нѣсколько словъ на бѣлой стѣнѣ и зажегъ фитиль. Огонь быстро побѣжалъ по смолѣ...

Осаждающіе, между тѣмъ, недоумѣвали. Говэнъ не видалъ, какъ Радубъ пробрался наверхъ, и неожиданно явившаяся оттуда поддержка удивила его. Онъ хотѣлъ ее себѣ выяснить и сначала нѣсколько пріостановилъ нападеніе, затѣмъ велѣлъ своимъ солдатамъ подвигаться вверхъ по лѣстницѣ, но имѣть въ виду, что гдѣ-нибудь впереди, за одной изъ дверей, можетъ скрываться засада: опять начнется стрѣльба, и повалятся подкошенные люди.

Радубъ, съ своей стороны, оставался вверху, не понимая, почему все притихло и поджидая, когда его помощь опять понадобится.

Съ четверть часа прошло, прежде чѣмъ положеніе дѣла выяснилось. Солдаты прикладами разбили дверь, за которой скрылись „бѣлые“, и тамъ, въ пустой комнатѣ, увидали открытый потайной ходъ. Говэнъ прочелъ набросанныя углемъ слова: „До свиданія, племянникъ!“ и подпись: „Лантенакъ“.

Пуститься въ погоню не имѣло смысла. Ясно было, что этотъ ходъ долженъ вести въ лѣсъ: искать бѣглеца въ лѣсу такъ же мудрено, какъ искать иголку.

Къ тому же Говэнъ и Симурдэнъ находили болѣе всего необходимымъ захватить Лантенака, а какъ же было имъ узнать, куда онъ ушелъ? Они полагали, что его уже и слѣдъ давно простылъ?.. Взятіе крѣпости, слѣдовательно, не привело ни къ чему.

Лантенакъ находился, однако, не такъ далеко, какъ думали. Выбравшись въ лѣсъ, онъ тотчасъ же отпустилъ всѣхъ своихъ людей, назначивъ имъ, гдѣ и когда опять собраться. Всѣ были въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, такъ же какъ и самъ Лантенакъ. Разсыпаться по лѣсу и спастись поодиночкѣ не представляло затрудненій.

Маркизъ пріостановился. Ему было пріятно почувствовать себя на волѣ. Только-что передъ этимъ онъ шелъ навстрѣчу смерти. Не боялся ея, конечно, но все-таки предпочиталъ остаться въ живыхъ. Взглянулъ на часы: было десять часовъ. Это его удивило. „Только десять? Въ восемь раздался первый выстрѣлъ Неужели съ тѣхъ поръ прошло такъ мало времени? Сто двадцать минутъ! И столько ощущеній пережито!..“ Онъ спряталъ часы и повернулся, чтобы уходить.

По окрестности начиналъ разливаться красный свѣтъ пожара. Крѣпость горѣла. Огонь находилъ богатую пищу: фитиль былъ заранѣе проведенъ къ горючимъ веществамъ, къ бочкамъ смолы и къ огромнымъ связкамъ соломы и сѣна. Лантенакъ вспомнилъ про дѣтей, что они заперты во второмъ этажѣ, въ комнатѣ съ книгами. Ключъ отъ тяжелой желѣзной двери этой комнаты лежалъ у него въ карманѣ. Онъ его ощупалъ съ удовольствіемъ. Дѣти сгорятъ. И прекрасно! Вѣдь онъ предлагалъ ихъ освободить. Кто не согласился, тотъ и виноватъ. Пусть знаютъ, что онъ свое слово держитъ. Сказалъ, что дѣти погибнутъ, и погибнутъ! Кто не захотѣлъ дать ему свободный пропускъ, на томъ и грѣхъ.

Три неповинныя души, три жертвы. А онъ вотъ на волѣ!

Вдругъ раздался отчаянный, жалобный крикъ. Вѣрнѣе вой. Онъ пронесся въ воздухѣ, раздирая душу. Это мать завыла по своимъ дѣтямъ.

Микела подошла къ башнѣ и поднялась на валъ противъ нея именно въ ту минуту, когда языки огня, проползши по сухимъ вѣтвямъ плюща изъ нижняго этажа въ верхній, слились въ яркое пламя и сразу освѣтили все: верхушки окрестнаго густого лѣса, лагерь передъ башней и внутренность самой башни.

Въ одномъ изъ оконъ средняго этажа появились три дѣтскія головки. Микела закричала отчаяннымъ голосомъ. Лантенакъ услышалъ и остановился. Ему не видно было женщины, но на него какъ будто лились ея горькія жалобы:

„Помогите! Спасите! Это мои дѣти! Они горятъ. Люди, помогите! Нельзя же такъ. Зачѣмъ мои дѣти тамъ? Невозможно это. Или я съ ума схожу? Помогите, я мать имъ! Я день и ночь шла! Сгорятъ они. Спасите! Собаку, и ту надо пожалѣть. Это дѣти мои! Я искала ихъ. Господи, что же это! Меня разстрѣляли, и теперь дѣтей жгутъ. А я-то шла. Думала не дойти. Ноги у меня въ крови. Вотъ пришла! Отыскала ихъ! На глазахъ моихъ сгорятъ. Помогите! Зачѣмъ ихъ у меня взяли? Разбойники, злодѣи! Я не хочу, чтобы моихъ дѣтей жгли! Не хочу, не хочу! Спасите! Или убейте меня, чтобы я не видала этого!

Между тѣмъ, какъ мать почти сходила съ ума отъ ужаса, множество солдатскихъ голосовъ перекликались во рву и на валу:

— Приставь лѣстницу!

— Лѣстницы нѣтъ!

— Должна быть!

— И должна быть, да нѣтъ.

— Воды сюда!

— Нѣтъ воды.
— Такъ черезъ дверъ надо попасть!
— Дверь желѣзная.
— Надо выломать!
— Не выломаешь.
Женщина продолжала кричать:
— Поскорѣй! Сгорятъ они! Дѣти мои милыя! Неужели ихъ не спасутъ? Меня вмѣстѣ убейте! Бросьте меня въ огонь!

Маркизъ опять ощупалъ въ своемъ карманѣ ключъ. Потомъ, быстро согнувшись, исчезъ въ томъ самомъ потайномъ ходѣ, изъ котораго только-что вышелъ.

Глава VII.

Подвигъ.

Двадцать саперовъ трудились, чтобы выломать желѣзную дверь. Говэнъ распоряжался работой, но ломы оказывались безсильными. Попробовали подвести подъ дверь желѣзныя палки. Онѣ ломались.
— Какъ спички,—сказалъ одинъ саперъ.
Говэнъ мрачно замѣтилъ:
— Эту дверь можно только пушкой разбить...
— И то не сразу,—подтвердилъ саперъ...
Наступила минута тяжелая. Всѣ руки опустились. Молча, съ глубокой жалостью въ сердцѣ, стояли всѣ эти люди. Приходилось отступиться. Все усиливавшійся пожаръ однообразно трещалъ вокругъ. Нижній этажъ и верхній были полны огня. Какъ потолокъ, такъ и полъ могли сейчасъ провалиться. Надежды на спасеніе дѣтей не оставалось.

Говэнъ случайно взглянулъ на открытую дверь потайного хода и сказалъ:

— Лантенакъ ихъ погубилъ, а себя спасъ! Ушелъ!..

— И назадъ вернулся,—произнесъ чей-то голосъ.

Племянникъ увидалъ передъ собою сѣдую голову дяди.

Саперы разступились. Маркизъ, съ большимъ ключомъ въ рукѣ, прошелъ черезъ комнату прямо къ желѣзной двери. Замокъ щелкнулъ, дверь заскрипѣла и отворилась; изъ-за нея хлынула волна пламени и дыму. Маркизъ не остановился; онъ пропалъ изъ глазъ въ этой волнѣ. Почти въ то же мгновеніе часть пола обрушилась за нимъ. Погибъ онъ или нѣтъ, опредѣлить было невозможно. Говэнъ и его люди едва успѣли спастись: никакая помощь отъ нихъ больше не зависѣла.

Мать продолжала рыдать въ отчаяніи. Дѣти стояли у средняго окна, еще не захваченнаго пожаромъ; имъ было очень жарко, но еще ихъ не жгло. Не понимая опасности, они сначала совсѣмъ не испугались. Яркій свѣтъ въ комнатѣ и шумъ подъ окномъ забавляли ихъ. Мать кричала имъ, звала по именамъ: старшій узналъ ея голосъ и откликнулся:

— Мама!

Двое другихъ стали повторять за нимъ:

— Мама! Мама!

Микела стояла уже не на валу, а среди солдатъ, умоляя помочь. Но Симурдэнъ не могъ ничего сдѣлать внутри.

Радубъ попробовалъ было опять взобраться по стѣнѣ, но съ этой стороны стѣна была совсѣмъ гладкая; цѣпляться было не за что, Радубъ сейчасъ же оборвался. Мать бросилась на колѣни.

— Спасите!

— Но что было дѣлать? Внутри башни все трещало и рушилось; въ комнатѣ, гдѣ находились дѣти, огромные шкапы съ книгами загорались сзади ихъ, какъ дрова въ печи. Тоненькіе голоса повторяли уже въ страшномъ испугѣ:

— Мама! мама!

И вдругъ въ окнѣ, сосѣднемъ съ окномъ дѣтей, показалась высокая фигура. Всѣ глаза устремились на нее. Нѣсколько человѣкъ узнали маркиза Лантенака.

Онъ исчезъ на мгновеніе, потомъ опять появился и сталъ спускать изъ окна длинную складную лѣстницу, хранившуюся въ той комнатѣ на случай несчастья. Солдаты внизу подхватили за другой конецъ и помогли поставить на землю. Радубъ впереди всѣхъ и нѣсколько десятковъ людей за нимъ бросились по ступенямъ. Маркизъ взялъ перваго попавшагося изъ дѣтей и подалъ Радубу. Это былъ средній мальчикъ. Онъ кричалъ изо всѣхъ силъ:

— Боюсь!

Солдаты опустили его до самаго низу, передавая изъ рукъ въ руки.

Старшій испугался еще больше и не хотѣлъ даваться; онъ даже ударилъ Радуба, которому маркизъ его передалъ. Оставалась еще крошечная Жоржетта. Маркизъ взялъ ее; она ему улыбнулась. У этого желѣзнаго человѣка навернулись слезы. Онъ спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ?

— Оржета,—отвѣтила малютка.

Маркизъ поцѣловалъ ее и опять отдалъ Радубу.

Мать стояла внизу у лѣстницы, едва вѣря своему счастью. Раньше она теряла голову отъ горя, теперь отъ радости. Сжимая дѣтей своихъ, покрывая ихъ поцѣлуями, она плакала, хохотала, наконецъ, упала безъ чувствъ.

Пронесся крикъ:

— Всѣ спасены!

Всѣ, кромѣ Лантенака. Но о немъ никто не заботился.

Онъ задумчиво постоялъ у окна, какъ бы не рѣшаясь, что дѣлать. Потомъ, не спѣша, перешагнулъ черезъ подоконникъ и сталъ спускаться по лѣстницѣ, ве-

личавый и спокойный. Солдаты глядѣли на него съ удивленіемъ, почти со страхомъ, какъ на привидѣніе. Когда онъ былъ уже внизу, Симурдэнъ самъ подошелъ къ нему, положилъ руку ему на плечо и сказалъ:

— Ты взятъ.

— Знаю,—отвѣтилъ Лантенакъ.

Солдаты увели его. Гдѣ-то на церковныхъ часахъ пробило одиннадцать.

Глава VIII.

Совѣсть.

— Завтра мы будемъ судить его военнымъ судомъ,— сказалъ Симурдэнъ, подходя къ Говэну. — Но ты не участвуй. Ты одной крови съ нимъ; казнить его не твое дѣло. Разговоръ будетъ не логъ: завтра приговоръ, послѣзавтра казнь. Теперь можно сказать, что мятежъ потушенъ

Говэнъ ничего не отвѣтилъ и ушелъ въ свою палатку. Пожаромъ онъ пересталъ заниматься; саперы одни тушили, окапывали рвомъ; огонь начиналъ уступать. Радубъ няньчился съ дѣтьми и съ матерью. Симурдэнъ дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія на завтра. Лагерь стихалъ, отдыхая отъ волненій.

Въ головѣ Говэна толпились мысли. Передъ нимъ только-что случилось событіе неожиданное, и онъ не зналъ, какъ разобраться. До той поры у него не было никакихъ колебаній. Онъ видѣлъ передъ собою борьбу двухъ сторонъ. Одну сторону, свою, онъ считалъ правой; другую, чужую, считалъ неправой. На одной сторонѣ были его друзья, на другой враги. Друзьямъ онъ желалъ добра, врагамъ желалъ зла. Казалось, это совершенно ясно и просто. Теперь одинъ изъ главныхъ

враговъ его стороны попалъ въ ихъ руки: этому слѣдовало радоваться. Но Говэнъ не могъ радоваться. Почему? Потому что этотъ врагъ поразилъ его тѣмъ, что сдѣлалъ.

Трое маленькихъ дѣтей гибли; трое ни въ чемъ неповинныхъ. Война этого не разбираетъ. Жестокая, кровожадная, братоубійственная, она поглощаетъ все, что встрѣчается ей на пути. Ей встрѣтились на пути дѣти. Сгубить ихъ ей ни почемъ. Маркизъ Лантенакъ имѣлъ противъ себя цѣлую толпу людей; эта толпа выслѣживала его какъ звѣря; выслѣдивъ, устроила облаву. Онъ спасся почти чудомъ; очутился въ лѣсу; въ лѣсу—свобода. Левъ ушелъ изъ западни. Ушелъ. И вдругъ самъ, своей волей, вернулся! Дался прямо въ руки. Зачѣмъ? Единственно, чтобы спасти троихъ маленькихъ дѣтей. Не родныхъ ему; нѣтъ! совсѣмъ чужихъ, нищихъ. Ему стало жаль ихъ. Онъ бросилъ лѣсъ и свободу, пошелъ въ огонь, спасъ ихъ и погубилъ себя. Свою жизнь отдалъ за ихъ жизнь. А теперь его ждетъ смерть. Справедливо ли это?.. Справедливо ли, чтобы человѣкъ былъ наказанъ за высокое, доброе дѣло?

И какъ раньше Лантенакъ не могъ перенести мысли, что дѣти сгибнутъ, когда они ни въ чемъ не виноваты и когда онъ ихъ можетъ спасти, такъ теперь Говэну становилось невыносимо, что Лантенакъ будетъ казненъ именно тогда, когда передъ нимъ слѣдовало бы преклониться. Спасти его? спасти врага? . Но тогда опять мятежъ не конченъ.

Говэнъ припоминалъ все, какъ было. Трое дѣтей погибали. Изъ-за кого? Изъ-за того же Лантенака. У него хватило духу ихъ запереть и оставить на жертву огню. Если не самъ онъ это сдѣлалъ, если сдѣлали другіе, то все таки онъ это зналъ. Мало того, что зналъ: онъ взялъ ключъ къ себѣ. Значитъ, вполнѣ этого хотѣлъ. Поджогъ и убійство—дѣло Лантенака. Потомъ, должно быть, онъ ужаснулся самъ на себя. Отъ жалобнаго ма-

теринскаго крика въ немъ проснулась совѣсть. Онъ вернулся. Шелъ къ мраку, повернулъ къ свѣту. Совершилъ преступленіе, потомъ захотѣлъ исправить.

Неужели не поставить этого въ счетъ? Говэнъ не зналъ, какъ поступить.

Глава IX.

Судъ.

На слѣдующій день утромъ собрался военный судъ. Судей было всего трое. Симурдэнъ—предсѣдательствовавшій, одинъ капитанъ и унтеръ офицеръ Радубъ; капитанъ сидѣлъ по правую руку Симурдэна, Радубъ по лѣвую Прочіе офицеры и солдаты всѣ явились слушать. Двоимъ караульнымъ велѣно было привести арестанта. Они пошли и черезъ минуту возвратились: съ ними шелъ Говэнъ. Симурдэнъ въ недоумѣніи сказалъ:

— Я посылалъ за арестантомъ.

— Арестантъ я,—сказалъ Говэнъ.

— Ты?

— Я.

— Гдѣ же Лантенакъ?

— На волѣ

— Какъ на волѣ?

— На волѣ.

— Онъ скрылся?

— Скрылся.

Симурдэнъ опустилъ на мгновеніе голову. Потомъ тотчасъ же поднялъ ее.

— Ему помогли?—спросилъ онъ мрачно.

— Да,—сказалъ Говэнъ.
— Кто помогъ?
— Я.
— Ты съ ума сошелъ?
— Я его выпустилъ.
— Какъ ты могъ это сдѣлать?
— Ночью я пошелъ къ нему; часовой, конечно, пропустилъ меня; я скинулъ свой плащъ, надѣлъ на него; онъ вышелъ вмѣсто меня, я остался.
— Не можетъ быть! Привести Лантенака!
— Его нѣтъ. Солдаты приняли его за меня и пропустили. Было темно.
— Повторяю: ты съ ума сошелъ?
— Я разсказываю, какъ было.
Симурдэнъ, блѣдный, произнесъ съ трудомъ:
— Тебя за это..
— Казнятъ,—договорилъ Говэнъ.
Симурдэнъ промолчалъ. Говэнъ былъ самымъ дорогимъ для него человѣкомъ. Думалъ ли онъ когда-нибудь судить своего названнаго сына? Минуту спустя, овладѣвъ своимъ волненіемъ, онъ сказалъ твердо:
— Тебя за это надо судить. Садись
Говэнъ сѣлъ на табуретъ, приготовленный для Лантенака.
— Караулъ, сабли вонъ!
Сталь блеснула.
Голосъ Симурдэна пересталъ быть отеческимъ и зазвучалъ жестко, сурово:
— Обвиняемый, встаньте!
Говэнъ всталъ Симурдэнъ повелъ допросъ по формѣ:
— Ваше имя?
— Говэнъ.
— Ваше званіе?
— Командиръ батальона.
— Вы въ родствѣ съ бѣглецомъ?
— Я сынъ его сестры.

— Вамъ извѣстно, къ чему онъ заочно приговоренъ?
— Извѣстно. Подъ приговоромъ была моя подпись.
— Выберите себѣ защитника.
— Я самъ буду говорить за себя.
— Можете начать.

Говэнъ призадумался, какъ бы подыскивая слова. Симурдэнъ повторилъ:

— Скажите, что имѣете въ свою защиту.

Съ поднятой головой, но съ опущенными глазами, не глядя ни на кого, Говэнъ началъ рѣчь:

— Я долженъ сказать, что одно заслонило передо мной другое. Я увидѣлъ вблизи, какъ человѣкъ сдѣлалъ доброе дѣло, и у меня изъ головы вышли сотни злыхъ дѣлъ этого же самаго человѣка. Онъ спасъ дѣтей, и я не могъ его не спасти. Все прежнее я забылъ и отдалъ ему свободу. Если и виновенъ, казните меня.

Онъ остановился; Симурдэнъ спросилъ:

— Ничего не имѣете прибавить?
— Ничего.
— Садитесь.

Вслѣдъ затѣмъ были прочтены въ законѣ тѣ пункты, которыми назначается смертная казнь за содѣйствіе бѣгству всякаго преступника.

Симурдэнъ сказалъ:

— Обвиняемый, слушайте со вниманіемъ! Мы, судъ, будемъ теперь обсуждать вопросъ о виновности. Скрывать наше совѣщаніе намъ незачѣмъ. Каждый изъ насъ троихъ выскажетъ вслухъ всѣмъ свое мнѣніе. Окончательный приговоръ будетъ рѣшенъ по большинству голосовъ. Капитанъ, начинайте!

Капитанъ, неподвижный, точно каменный, заговорилъ однообразнымъ голосомъ:

— Законъ ясенъ. Нарушеній его нельзя допускать. Въ древнемъ Римѣ Манлій приказалъ казнить своего сына за то, что тотъ одержалъ побѣду, не выждавъ приказаній. Тамъ было только нарушеніе дисциплины, здѣсь

нарушеніе закона. Поддавшись чувству состраданія, человѣкъ сдѣлалъ вредъ своему отечеству. Въ подобныхъ случаяхъ состраданіе преступно. Командиръ Говэнъ помогъ бѣгству мятежника Лантенака. Говэнъ виновенъ. Я стою за смертный приговоръ ему.

— Записать,—приказалъ Симурдэнъ.

Записали: „первое мнѣніе: казнить смертью“.

Симурдэнъ обратился къ Радубу:

— Рѣчь за вторымъ членомъ суда.

Радубъ всталъ, обернулся къ Говэну, отдалъ ему честь по-военному, потомъ началъ своимъ сильнымъ голосомъ:

— Меня значитъ тоже казнить надо. Потому что, по чести и совѣсти говорю, я бы желалъ, истинно бы желалъ сдѣлать, во-первыхъ, то что маркизъ сдѣлалъ, а во-вторыхъ, то, что командиръ сдѣлалъ. Какъ только я увидалъ, что старикъ полѣзъ въ огонь изъ-за троихъ ребятишекъ, я сейчасъ подумалъ: а онъ человѣкъ-то хорошій! Теперь опять я вижу, что мой командиръ спасъ старика. Это такое настоящее дѣло, что кабы моя воля, то я бы сейчасъ моему командиру и чинъ и крестъ далъ. Говорятъ, что его казнить надо. Казнить, такъ вѣдь не будетъ его. А надо, чтобъ онъ былъ, потому что онъ для всѣхъ полезенъ. Что онъ старика спасъ? Такъ вѣдь старикъ спасъ дѣтей! Оба хорошо сдѣлали, и на что же будетъ похоже, если за хорошее наказывать? Я иначе не могу этого разобрать. Да и какъ иначе? Развѣ лучше было бы, чтобы ребятишки сгорѣли? Или чтобы старикъ ихъ вытащилъ, а ему бы горло перерѣзали? Этого понять нельзя. Зачѣмъ же людямъ другъ друга ѣсть? Дикимъ звѣремъ станешь. Мы нашего командира любимъ. И раньше любили и теперь любимъ. Это вздоръ, будто его нужно убить. Кому нужно? Зачѣмъ? Совсѣмъ невозможно!

Радубъ сѣлъ взволнованный, Симурдэнъ обратился къ нему:

— Значитъ, унтеръ-офицеръ Радубъ стоитъ за оправданіе?

— Я стою за то, чтобы нашему командиру высшій чинъ дать: сдѣлать его генераломъ.

— Значитъ за оправданіе. Да или нѣтъ?

— Если хотятъ непремѣнно отрубить чью-нибудь голову, то пусть лучше мою рубятъ. Я съ этимъ согласнѣе.

— Оправданіе,—сказалъ Симурдэнъ:—запишите.

Записали: „второе мнѣніе: оправдать“.

Одинъ голосъ за смертный приговоръ, другой за оправданіе. Раздѣлились голоса.

Оставалась очередь за Симурдэномъ. Онъ всталъ. Мало того, что онъ былъ блѣденъ, лицо его имѣло страшный, точно могильный оттѣнокъ. Глухо звучалъ его голосъ, медленно выговаривались слова. Но взглядъ былъ твердый.

— Обвиняемый!—обратился Симурдэнъ къ Говэну,—вопросъ о виновности разсмотрѣнъ съ обоихъ сторонъ. Большинствомъ одного голоса...

Онъ запнулся. Всѣ ждали. Передъ чѣмъ онъ колеблется? Передъ словомъ жизни или словомъ смерти? Наконецъ, онъ договорилъ:

— Приговаривается къ смерти.

Потомъ прибавилъ:

— Казнь завтра утромъ, когда взойдетъ солнце.

Говэнъ всталъ и поклонился.

— Теперь уведите его,—сказалъ Симурдэнъ.

Говэна увели съ обнаженными саблями. Радубу сдѣлалось дурно. Одна изъ его недавнихъ ранъ открылась: по шеѣ уже нѣсколько минутъ сочилась кровь.

Глава X.

Осужденный.

Лагерь глухо волновался, недовольный смертнымъ приговоромъ надъ Говэномъ. Находили, что Симурдэнъ слишкомъ жестокъ. Хотѣли, чтобы онъ отмѣнилъ казнь. Но онъ оставался при своемъ: велѣлъ приготовить плаху.

Наступила ночь. Симурдэнъ не могъ уснуть и пошелъ къ приговоренному.

Говэнъ встрѣтилъ его съ искренней радостью, сталъ вспоминать все, чѣмъ былъ ему обязанъ.

— Ты меня воспиталъ, ты развилъ мой умъ, у тебя я научился любить истину. Безъ тебя развѣ я былъ бы человѣкомъ?..

Между ними завязался одинъ изъ любимыхъ разговоровъ. Они говорили о томъ, придетъ ли такое время, когда люди будутъ по настоящему братьями, когда прекратятся войны и голодъ, когда чаша зла исчерпается. Говэнъ ожидалъ, что съ теченіемъ времени на свѣтѣ пойдетъ все лучше и лучше; Симурдэнъ сомнѣвался, называлъ молодого человѣка мечтателемъ. О завтрашнемъ днѣ они совсѣмъ не поминали, какъ будто даже забывъ о немъ. Имъ хотѣлось заглянуть въ то, что будетъ впослѣдствіи, много лѣтъ спустя.

— Теперь мы живемъ среди бурь, — говорилъ Говэнъ. — Но не могутъ же бури продолжаться вѣчно. За ними наступитъ тишина и все расцвѣтетъ вдвое лучше. Такъ всегда бываетъ и въ природѣ. Одно умираетъ, другое нарождается, свѣжее, сильное.

Онъ задумался. Ни хозяинъ ни гость не замѣтили, какъ проговорили нѣсколько часовъ сряду. Время под

ходило къ утру. Начинало свѣтать. Снаружи доносились удары топора: кончали сколачивать помостъ. Симурдэнъ вздрогнулъ и поднялъ голову; Говэнъ думалъ о другомъ и не замѣтилъ его волненія. Симурдэнъ поднялся съ соломеннаго тюфяка, на которомъ они оба сидѣли: Говэнъ не замѣтилъ этого. Симурдэнъ тихо вышелъ; на душу у него все тяжелѣе и тяжелѣе ложился камень. Потерять Говэна было для него самымъ страшнымъ несчастіемъ.

Напрасно въ лагерѣ толковали, что въ послѣднюю минуту Симурдэнъ навѣрное смилуется. Утромъ Говэнъ былъ казненъ. Но въ то самое мгновеніе, когда на его шею опустился топоръ, съ ударомъ этого топора слился другой звукъ: пистолетный выстрѣлъ. Симурдэнъ застрѣлился.

КОНЕЦЪ.

